

ФЕРДИНАНД-МАРГАРИТА-ГЕОРГ ФИНГЕР



МОСКВА — НАЗАД ДОРОГИ НЕТ

**Георг Фингер
Фердинанд Фингер
Маргарита Фингер
1976. Москва – назад дороги нет**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6135771

Фердинанд Фингер. 1976. Москва – назад дороги нет: Издательский дом Тертеряна; Мюнхен;

2012

ISBN 978-3-9407-47-29-7

Аннотация

Дорогие читатели! В этой книге нет ни одного вымышленного сюжета. В ней описывается судьба авторов покинувших Москву в 1976 году. Они бросили всё: друзей, работу, квартиру, расстались с родителями. Времена были тогда такие, что надежды когда-нибудь вернуться назад не было. Уезжали навсегда. Без знания языков, без знания западной жизни. Об их судьбе вы можете узнать, прочитав это произведение.

Содержание

Дорога	6
Глава I	7
Глава II	12
О жене	14
О себе и о сыне	16
СССР был страной чудес	19
Глава III	25
Глава IV	32
Глава V	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Фердинанд-Маргарита-Георг Фингер 1976. Москва – назад дороги нет Воспоминания

«Пусть впереди большие перемены, я это никогда не люблю».
В. Высоцкий

Посвящается эмигрантам

Фердинанд Фингер



Родился в Москве в 1934 году. Эмигрировал из СССР в 1976 году. Жил и работал в Австрии, Италии, США, Германии и России. В книге, которая стала бестселлером, отражен весь путь эмиграции семьи в прозе. Эта книга – размышления авторов о смысле жизни и чудесах, посланных нам Всевышним за 34 года эмиграции.



Авторы: Фердинанд Фингер, моя жена Маргарита Фингер, мой сын Георг Фингер и наши внучки. Фото 2009 год

Я написал четыре книги стихов, в которых движением души описал необычайно многотрудный и интересный путь эмиграции моей семьи с 1976 года из СССР. После прочтения этих книг мои друзья и знакомые из России, а также бывшие эмигранты, живущие сейчас в Израиле, Америке и Германии, попросили меня описать все это в прозе, посчитав, что перед их глазами проходит интересный фильм, т. к. такой интересной эмиграции, почти ни у кого не было. Попробую удовлетворить их просьбу.

Автор

Закончено 6.11.2011 г.

Дорога

*Дорога жизни, ускользящая вдаль,
На ней не только пыль, заботы и тревоги.
На ней встречаются и Радость, и Печаль.
О, Путник дорогой, крепись на жизненной дороге.*

*Бывает так, что ноги стертые в кровь.
Бывает, с ветерком летишь в пролетке.
Бывает, встретишь Жизнь или Смерть, или Любовь.
Бывает, плакать и смеяться будешь при такой находке.*

*На ней все можешь вдруг в минуты потерять,
А можешь все приобрести по Божьей Воле.
Там по потерянному горько зарыдать
Или найти Бесценную Свободу в человеческой доле.*

*Там можешь ты Отца и Мать похоронить,
Услышать крик ребеночка пронзающий.
Судьба вдруг может кирпичом прибить
Или избаловать Фортуной прилетающей.*

*Дорогу можешь всю пройти и чист, и свеж.
Или прийти к концу и в грязи, и уставший.
Так много оскорблений получивши от невежд,
Что жизнь покажется ненужной и пустячной.
И ненависти, клеветы так много там.
Где Правда и Любовь на той Дороге боли?
Они там есть – там место есть Мечтам,
И будешь счастлив ты по Божьей Воле.*

*С дороги ты поднимешь вновь и вновь,
Перетерпи, о, путник, и печали, и тревоги.
Поднимешь камни легкие – Надежду, Веру и Любовь.
И с Божьей помощью камней тяжелых
Ты не встретишь на своей дороге.*

25.11.2010.

Глава I

Птичий рынок – первый шаг к свободе

Бывают дни, которые меняют жизнь человеческую раз и навсегда, причем – бесповоротно. В одну из суббот июля 1976 года случилось то, чего я больше всего ждал и боялся. Какая-то внутренняя интуиция подсказала мне, что это случится именно сегодня.

В шесть часов утра этого знаменательного для моей семьи дня, что потом и подтвердилось, я стоял на том же месте, на котором по субботам находился в течение двадцати лет с 1948 года. Наверно, если бы была медаль «За постоянство», она наверняка украсила бы мою грудь. Я всех знал, и все знали меня на птичьем рынке за крестьянской заставой. Вставал в четыре утра, готовил все для торговли, и каждую субботу, проехав пол-Москвы, входил на птичий рынок и занимал свое законное место.

Там я устанавливал складной столик на длинных ножках и ставил на него хитро сделанный переносной длинный аквариум с двойным дном.



Мои любимые рыбки петушки тоже помогли нам выжить в послевоенное время. Я их много развел и продал.

Нижнее дно было из жести, и под ним стояли три спиртовые горелки для подогрева воды. Я разводил тропических рыбок и был одним из первых продавцов, которые могли бы гордиться своими «неонами» или «расборами». В эти ранние часы моей подготовке к торговле никто не мешал. Я дорожил временем, так как рыбки были тепловодными, с Амазонки, и для них температура воды должна была быть 25°C. Затем я бежал в кубовую¹ за горячей водой и, стоя перед дверью, в темное помещение, всегда вспоминал, как давным-давно, будучи мальчишкой, я делал то же самое.

¹ Кубовая – маленькое помещение для подогрева воды.

Если это было зимой, из двери в морозный воздух вырывались клубы пара. В полутьме стояла тетя Клава, необъемных размеров женщина, лет сорока, одетая в огромную телогрейку, перепосанную тонкой веревкой, видимо, чтобы подчеркнуть талию, которой, вероятно, у нее никогда не было. Слева стоял кипящий на керосинке чайник и подпрыгивал на ней, а справа огромный грязный бак, покрытый слоем угольной пыли.

Под баком была печка, в которую тетя Клава бросала уголь разбитой лопатой. Раскрытая пасть печки пылала красно-синим огнем. На этом огромном баке была врезана деревянная полуобожженная ручка-кран. При повороте ручки в бидоны бежал проворный кипяток, бежала жизнь для тепловодных рыбок. Через окна кубовой, как в церкви с витражами, проносились солнечные столбы, сквозь которые плыли миллионы пылинок. Для меня, ребенка, не было ничего интереснее, чем стоять в этой темной кубовой.

– Фердинанд, ты опять раньше всех? Что делать мне с таким пострелом? Давай бидон, налью тебе кипятка.

Благодаря своему маленькому росту, я выглядел лет на девять, хотя мне шел уже четырнадцатый год. Бидон был почти такой же величины, как я. Затем в заскорузлую руку тети Клавы я вкладывал двадцать копеек.

– Ну-ка, садись, попьем чайку!

На столе появлялись две смятые алюминиевые кружки, и мы начинали пировать. Куски наколотого блестящего рафинада появлялись на тарелке. Рафинад² смотрел на меня, а я на него. Это были минуты сладкого счастья. Недавно закончилась война. Отогревшись, я выскакивал на мороз – минус двадцать градусов. Клубы пара провожали меня. Бежал к аквариуму, смешивал кипяток с холодной водой, поджигал горелки и по градуснику устанавливал температуру плюс двадцать пять.

Затем из своей рваной телогрейки доставал из-за пазухи банки с рыбками и аккуратно переносил их в аквариум. Труды были закончены. Так повторялось в течение 28 лет. Ко времени, которое я описываю, тетя Клава умерла, и в кубовой хозяйничал какой-то мужик. Теплым словом меня никто не встречал, а блестящий рафинад растворился в туманах прошлого.

Из десятков голубятен, окружающих рынок, под страшный свист взлетали в небо к поднимающемуся солнцу сотни голубей. «Турманы»³ кувыркались в голубизне. Сердца голубятников замирали в страстном ожидании, что их голуби заманят в голубятни чужих голубей. Радость от этого действия сотню раз переходила от одних воришек чужого – к другим. Этим они и жили. Жизнь, переполненная этой радостью, вступала в свои права. Мычали коровы, по привычке требовавшие утреннюю дойку. Блеяли глупые бараны, не знавшие, что скоро превратятся в шашлыки. Орали петухи, тоже не знавшие, что попадут в суп.

Рынок, расчерченный солнечными полосами, оживал. Приветствуя пробуждение природы со старой колокольни, чудом уцелевшей от советской власти, раздавался колокольный перезвон, радуя сердца и души.

Продавцы блаженно отдыхали. Рыбкам нравилось плавать в чистой воде, пронизанной зелеными водорослями, и они представляли собой изумительный калейдоскоп красок. Им было настолько хорошо, что они затевали любовные игры, расправив все свои плавнички и хвостики. Москвичи, держа за ручки детишек, появлялись где-то к восьми утра. Иногородные тоже, держа за ручки детей, где-то к девяти часам. Под перезвон колоколов, под сияющим солнцем, сотни канареек, сидевших в клетках, приветствовали первых посетителей пенем. И под свист и пенье свободных птиц, сидящих на деревьях вокруг «птичьего рынка» – это святое место оживало. Бывали дни, когда торговля шла из рук вон плохо.

² Рафинад – сахар большим куском. Колотый.

³ «Турманы» – порода голубей.

Это всегда было перед получкой. В другие дни, когда получка у советского народа была на руках, сачки в руках у продавцов мелькали, как барабанные палочки – только держись.

– Ферд, на сколько продал?

– Ну, думаю, червонца на два, – говорил я.

– А ты, Саша, на сколько? – Саша торговал бойцовыми рыбками – петухами. Они всегда пользовались из-за красоты большим успехом. Толстые щеки и губы Саши выражали полное довольство положением дел.

– Я тебя, Ферд, обогнал на пару бутылок, – обычно говорил он, поглядывая на градусник, не упала ли температура.

Все было в норме, и его петушки горделиво расправляя хвост, поражали покупателей фантастическими красками. Удивительный день! Многие годы, мой сачок так часто не вылавливал рыбок и не переносил их в баночки покупателей.

Хочу немножко отвлечься от темы. Мое имя Фердинанд всегда удивляло всех с кем я сталкивался когда-либо. Такого имени по всей России не слышали. Поэтому на рынке ребята, чтобы меня не обижать, выбрали что-то среднее между Федькой и Фердинандом. Я стал на многие годы Фердом. А что касается моей жены, то с ней тоже произошел курьезный случай, связанный с моим именем. Рита сказала начальнику, что выходит замуж. «А как зовут твоего мужа?», – спросил начальник. «Фердинанд», – сказала она. Повернувшись к ней спиной и уже находясь в дверях, начальник, повернулся и со злостью прошептал: «Федька он у тебя! Запомнила? Федька!!!». Что поделаешь? – коммунист.

Ну, вернемся обратно на рынок. Расправившись со всеми делами, облегченно вздохнув, я переливал в аквариум рыбок из банок, затем доставал сигаретку «Шипку» и оглядывался по сторонам.

– Привет, Ферд! Как ты успеваешь всегда раньше меня? – раздавался голос Саши, который занимал место рядом со мной. Все еще спят, а ты уже здесь с самого-самого утра.

– А ты бы дольше спал сладко, – говорил я, затягиваясь и выпуская колечки дыма, с некоторым злорадным удовольствием наблюдая, как он будет повторять мой пройденный утомительный путь. Я наслаждался восхитительным моментом, когда в летние месяцы встает солнце.

Это не было на «птичьем рынке» обычным явлением природы. Розовая полоска восхода пересекала купол церковки и начинались чудеса. Туман уходил под ручку с темнотой, исчезала сырость. На рынке появлялись «ассы» по разведению редчайших рыбок, что большинству любителей было абсолютно недоступно. Им не надо было волноваться за выручку. Всегда находились люди, кто этих рыбок у них покупал. Аквариумов они не держали. Их драгоценные редкие рыбки были в больших баночках, которые они грели на груди.

Рынок, рынок. Как я живу без тебя уже тридцать четыре года. Без тебя, дорогой, и без рыбок, без шумной толпы, без широко раскрытых детских глаз! Нищие продавали свои труды нищим, которые, получив получку, тратили свою последнюю копейку на любимых животных, так радующих и заполняющих тусклую жизнь. Я до сих пор не могу понять, почему в грубой мужской натуре, в его мужском мире живет такое трогательное отношение к маленьким существам. Женщины, в этом смысле, не способны разделять любовь и страсть мужчин к рыбкам.

Инженеры, профессора, кандидаты наук и просто пьянь, разводившие рыбок, старались немного отдохнуть после утренних приготовлений. От неприятной промозглости и тумана они спасались дефицитным средством – чистым спиртом, который пили, разбавляя водой из аквариумов, отчего уровень воды в аквариумах быстро понижался.

Внезапно в благодатный покой ворвался смех. К одной из первых покупательниц с модной в то время прической «Бабетта идет на войну» подлетели улизнувшие из клетки пара волнистых попугаев-неразлучников. Видимо, посчитав, что это гнездо, залетели в при-

чески женщины. Повозившись там и что-то там натворив, они разобрались, что это не гнездо. Быстро выпорхнули и улетели. На голове у женщины творился невообразимый хаос. Она была очень раздражена случившимся и жаловалась на происшедшее.

Вообще этот таинственный день был богат на смешные события. С крыши павильона, мимо которого проходила одна девушка, прямо ей в декольте свалилась маленькая змея. Посчитав, что это гадюка, девушка упала на асфальт, и, почти обезумев, стала сбрасывать с себя одежду. Мы видели, что это безобидный уж, и процесс ее раздевания не приостанавливали. Мужчины есть мужчины. Финалом этой сцены все были довольны и даже позабыли о своих прямых обязанностях перед законными женами – приносить домой выручку. Смех и слезы.

К десяти часам на рынке обычно была пара тысяч человек или больше. Широко раскрытые глаза детей, стоящих перед рыбками, перед клетками с птицами, обезьянами, морскими свинками и прочей живностью, говорили об искреннем интересе ко всему происходящему.

Ну, вернемся к тому удивительному дню. Мои друзья устремили глаза на ворота, положили свои сачки на аквариумы, прекратив торговлю. «Ферд, смотри!», – раздались голоса. «Куда?», – спросил я. «Смотри на вход!». Ворота рынка находились от меня где-то в метрах пятидесяти. В проеме ворот появилась очень интересная женщина, которая бежала, выискивая кого-то глазами. Она, судя по ее скорости передвижения, была явно не в себе. К великому удивлению присутствующих она побежала прямо к нам. Это была моя жена.

С криком «Фердинанд, смотри!» Риточка стала размахивать перед моим носом какой-то бумажкой. Ребята сказали, что она, наверное, выиграла по-крупному в лотерею. Зависть блеснула в их глазах. Жена настолько быстро что-то говорила, что я ничего не мог понять. Бумажка так быстро двигалась вправо и влево, что мне, если бы это долго продолжалось, грозило косоглазие.

Я только успел увидеть на бумажке слова «Разрешение на выезд»! Из ста пятидесяти миллионов моих соотечественников кто-нибудь понимал тогда, что это такое? Это могло быть Свободой, а могло быть длинным путем на лесоповал в лагере... Глаза жены сияли, и ее существо выражало восторг и счастье. Женщины – не очень большие знатоки в политике, но в отличие от нас – знатоки в кухонных делах. Им важно, чтобы в кастрюлях была вкусная еда для семьи, было самое необходимое. Но этого самого необходимого ни в кастрюлях, ни на сковородках в те времена у них не было. Очереди, очереди. Получалось как-то так, что огромнейшая, богатейшая ресурсами страна не могла прокормить своих граждан. 90 % зарплаты уходило на еду. 5% за квартиру, а остальное на мыло для стирки.

Бедная моя жена, искусница по приготовлению еды! Она молча страдала, когда приходилось экономить на продуктах, чтобы дать сыну музыкальное образование и купить одежду, оплатить кредит. Еще нас спасало аргентинское мясо – обычно полкилограмма на полкилограмма костей, лук, дорогущая картошка и вездесущая капуста. Мясо, всегда перемороженное, рубили топором.

Но вернемся к жене.

Я, как и мои друзья, от такого проявления чувств остолбенел. Мы не могли понять, что происходит. Чем больше она потрясала этой бумажкой перед моим лицом, тем больше я впадал в панику. Мои друзья стояли в недоумении. А я понял, что это разрешение выехать из моей страны, из которой, по моему глубочайшему убеждению, не могла бы выскользнуть даже маленькая мышка.

Жена добилась, чтобы я в конце концов сообразил, что происходит. Но удивилась моему странному выражению лица, на котором кроме ужаса ничего не было. Прошло два месяца с тех пор, как мы с женой решили уехать из самой «свободной, богатой и счастливой Родины». Я был на треть немцем, на треть евреем, на треть французом и на остаток – не

знаю. Мы написали письмо в КГБ, причем так обнаглели, что потребовали выхода из гражданства. Надежда была ни на чем не основана. С таким же успехом, вместо заграницы мы могли бы попасть туда, где мало солнца, много колючей проволоки и толстых деревьев, для которых очень бы подошла тупая ржавая пила и наблюдение вертухаев. Но крупно повезло. Не забудьте, дорогие читатели, что это был 1976 год, а эмиграция открылась для минимального количества людей в 1970 году. Другие настали времена. За каждую голову Запад решил платить тонной зерна, которого в СССР не хватало. К тому же мы имели двухкомнатную квартиру – тоже плюс для КГБ. С этим разрешением на выезд и прибежала ко мне моя красавица жена, чистая русачка, которая сказала без всяких размышлений: «Куда – ты, туда и я». Не понимала глупая, что это путь в полную неизвестность. Когда ко мне, наконец-то, вернулся дар речи, я только и мог произнести: «Когда и куда? Как мы будем там жить?» Мир рухнул. Я впервые по-настоящему понял – куда вляпался.

Я задрожал от страха неизвестности. Прощайте, сорок два года жизни, прожитые на Родине. Прощай навсегда, мама, кормилец-рынок, друзья, работа, жилье. Прощай навсегда без надежды на возвращение. И главное немой – нет языка. И еще беда – уже нет времени на изучение языков.

Представления о Западе в те закрытые наглухо времена были у меня с женой относительные. Фильмы мы смотрели – не были полными «лохами» в западной культуре. Но мы абсолютно не понимали сути западной жизни. Ведь в те времена любая связь с иностранцем грозила тюрьмой. Мы просто умирали от ощущения – насколько они на вид свободны. И эта свобода манила и притягивала нас как магнит.

Теперь я знаю, что крот под землей знал больше о западной жизни, чем мы. Но все равно мы захотели уехать. Почему – немного позже. Шок прошел. Риточка продолжала болтать со скоростью молотилки, но я больше ее не слышал. Дошло и до моих друзей, что произошло. «Ферд, ты что уезжаешь, ты что дурак, у тебя же дело пошло, через годик купишь машину, будешь ловить и возить корм для рыбок, разбогатеешь. Ведь ты – восьмой человек в Москве, кто разводит неонов, расбор и других. Ты что ополоумел?» Но я еле-еле слушал что они говорили. Громкие крики «Кому циклоп? Кому червяков? Кому? Кому?», заглушили их доводы.

– Риточка, я собираю мои манатки, – сказал я. Челюсти у моих друзей отвисли, когда я поровну в их аквариумы пересадил триста-четырееста мальков моих милых рыб. То есть отдал три месячных зарплаты инженера на халяву. Сачки выпали из их рук. «Аквариум пилите, как хотите. А выпить у вас на прощание найдется?» «Ферд, обижаешь». Появилась «злодейка», мы выпили, обнялись. Я повернулся, и мы пошли к выходу. Ушел в никуда, не имея силы обернуться, посмотреть на потерянное, на друзей. Но при выходе из ворот я все-таки обернулся на оставленную часть жизни. И не спрося меня, можно это делать или нельзя, слеза неожиданно покатилась у меня по щеке, у меня, у мужчины...

Глава II

Один день жизни Фердинанда Фингера, Маргариты Фингер, Жоры Фингер. Москва, 1976 год. СССР.

Обычно люди, оглядываясь назад на прожитую жизнь, не любят вспоминать о плохом. Все предпочитают думать о прошедшем в розовом свете. Да и просто об этом помечтать. У авторов этой книги воспоминания о 1976 году, к сожалению, окрашены в другие, не столь радостные тона.

1976 год – обычное время, обычный день. День работы, направленной на выживание. В отделе, где работает моя жена – женщины наводят красоту. Об этом замечательном действе я напишу позже. Перед окнами их отдела стоит обшарпанный дом, на котором надпись: «Продуктовый магазин». Перед входом выстроилась большая очередь плохо одетых людей. Масса бабушек, которые от утренней промозглости, переминаются с ноги на ногу. Зачем, вы думаете, они заняли очередь за два часа до открытия магазина?! Ведь, вроде, Хрущев обещал советскому народу, что в 1980 году каждый человек будет жить при коммунизме. А стоят они за луком, картошкой и морковью. Страна в двенадцать тысяч километров с Запада на Восток и четыре с половиной тысячи километров с Севера на Юг. Богатейшая страна в мире не может прокормить всего-то 150 миллионов человек. Стоят за луком, которого нет уже месяц.

Затем история повторяется с картошкой и морковью. Черт побери, русские победили фашистов тридцать лет назад. Победенные поголовно все имеют собственные автомобили и 80 % трудолюбивых немцев имеют собственные дома. А мы в те годы стояли за луком. Какую нечеловеческую злобу имели тогдашние правители к собственному народу. Самих-то обслуживали специальные хозяйства. Оттуда они получали все продукты высшего качества. О дефиците одежды для простых людей я уже и не говорю. Стойте часами, паршивцы, в очередях – жрите, что добудете. Слава Богу, что вас после войны стало на тридцать миллионов меньше – будет меньше проблем.

В то время, когда советский народ стоял в очередях за этими недосыгаемыми продуктами, министр внутренних дел Чурбанов с женой Галиной Брежневой купали бриллианты и предметы роскоши. Об этом по телевидению прошел целый фильм. Также поступали и другие правители. Гараж Брежнева был забит дорогущими автомобилями. Охота – охота(!) шла на подмосковных угодьях. Гремели выстрелы и сотни кабанов и оленей в жареном и тушеном виде украшали столы бессовестных правителей. Ложь окутала систему, и она становилась нежизнеспособной. Борьба с инакомыслящими приобрела крайние формы. Как заявили «верха», в стране построено общество «Развитого социализма». А смысла этих слов советский народ не понимал. Спрашивали: «А что это такое?». Приведу пример, который произошел с моей женой. В один из зимних холодных дней 1975 года она стояла в огромной очереди за продуктами. На ее руке чернилами был написан номер 170.

Она выразила свое мнение, что стоять за этими продуктами – просто унижительно. На это очередь возразила. Особенно кричали старушки. «Да и бог с ним с этим луком, картошкой и очередью. Главное, чтобы не было войны». Вот и все. Судите сами о состоянии одуряченных умов. Конечно, мы с женой все понимали. Жизнь для них заканчивалась. Выпадали волосы и зубы. Они, в отличие от нас, имели позади такие страдания, которые не описать в словах. 1937 год, война, разруха, холод, голод. Убийство Сталиным миллионов невинных людей в сибирских лагерях. И они все выдержали. И мало того – их наградили большой наградой – стоять в очередях в 1975 году за луком и картошкой, через 30 лет после победы. Мы с женой очень переживали происходящее и понимали, что страна загнана в западню.

Глубокая осень, шесть часов утра. По изогнутым рельсам, перед окнами, в полутьме, гремят холодные, разбитые трамваи. На выбоинах асфальта подпрыгивают, утопая в грязи, тяжелые грузовики. Снаружи пасмурно-тоскливо, неудобно. Оконные рамы не заглушают шума в неприемлемых децибелах.

Перед нашим домом круг, на котором крутятся грязные машины. Посередине круга стоит железная конструкция с огромным портретом Брежнева. Половина бумаги с его лицом отмокла и свалилась в грязь так, что на раме осталась только половина портрета с бесчисленными наградами. Напротив, у магазина с продуктами, в котором почти ничего нет, стоят бабушки – человек сорок и ждут открытия. Дождь, слякоть – противно. Картина из книги Орвела «1984». Моя жена уже на ногах. Аккуратная, причесанная, немножко подкрашенная, готовит завтрак. Милая русская женщина. Ехать до места работы жены, как и до моей – где-то час. Практически у меня и у сына по одной паре обтрепанных курток чешского производства и одной паре обуви, тоже чешской. Свое, русское не наденешь – такое страшное. И это вплоть до нижнего белья. В семь часов утра мы уезжали. Жена возится в ванной с постельным бельем – замочила с вечера. Мне 41 год, жене 38 лет. Как нам хочется уйти от обыденности и хоть один раз в месяц пойти в кафе, посидеть, отвлечься и отдохнуть от опостылевшего быта. Но в 1975 году для нас это было невозможно. Частные уроки сына по музыке – учителя стоили очень дорого. Даже простые джинсы, которые носил весь Запад, были для нас недоступны. Недоступно было высказать вслух недовольство системой – получай психушку. И будь доволен, говори «спасибо», кричи «Ура!».

Зимний день. Автобус у порога школы, где я работаю. Выхожу не один, а с парой учителей. Шепотом делимся друг с другом о том, что советская власть отвратительна и обрекает нас учителей на нищету. Неслышный шепот истерзанных бытом людей. Теперь по прошествии многих лет, я с удивлением увидел, что этот шепот целого народа привел к распаду СССР. Цените – шепот, недовольство – оно как ручеек превратился в реку, в могучий поток, сносящий все и вся. Вот, слабые и беззащитные люди привели к тому, что «колосс на глиняных ногах» рухнул. Ура!!! Мы свободны – мы живем! Ну ладно, я отвлекся от быта моей жены.

О жене

Времени у нее утром всегда не хватает. Надо покормить мужа и сына – отправить их на работу и, в школу, накормить собачку. Самой покушать, привести себя в минимальный порядок. В восемь часов утра она выезжала на работу, чтобы к девяти быть там. Выкраивала время, чтобы по дороге суметь ухитриться что-нибудь купить из еды. А это возможно было вряд ли. Благо, если это происходило летом, весной или ранней осенью. А зимой все население СССР ездило в неотапливаемом транспорте, разбитом и грязном – своего или венгерского производства. Последние – были получше, но почему-то, не отапливались при минус двадцати. Температура внутри равнялась температуре снаружи.

Стекла были покрыты изнутри толстым слоем инея. Чтобы что-то увидеть снаружи, к ним прикладывали теплую монетку или раздуваясь, как лягушка, дули в одну точку – и иней сдавался. Тогда через дырочку можно было смотреть, где ты едешь. Ни смеха, ни шуток. Люди сжимались в комочки, сидя на холодных сиденьях, изо рта шел пар. Почти все, без исключения, читали, газеты, кто книжки, кто простые журналы. В общем, в автобусе везде и всегда, в осеннее или зимнее время царила тоска.

Молодежь до 17–20 лет, наверное, все это переживала по-другому. Молодость – есть молодость. А вот и конец часовой поездки. Начинается работа. Сперва опишем начало работы моей жены. Она инженер-экономист. Работает в организации, которая ведает распределением сельхозтехники по всей стране. Таких организаций по стране очень много. Ее название «Россельхоз», а я называл ее «Россельхознавоз». Эта организация никогда и никому не приносила пользы. Зато в ней что-то делали. Безработицы в стране не было.

Придя на работу, прекрасная половина человечества, работой не занималась. Она занималась другим – наведением красоты. Рабочие места в мгновение превращались в косметический салон. Женщины не успевали утром поухаживать за собой. Вот и наверстывали упущенное на работе. Ведь стиральные машины были редкостью, а о посудомоечных и говорить нечего. Зеркальца, помады, тушь, щипчики, пудра, мелькали перед их лицами. Все, что касалось непосредственно красоты, делалось с птичьей скоростью, чтобы успеть навести «марафет» до прихода шефа.

И это надо было сделать за счет рабочего времени, пока не появится начальница. Она об этом знала, и сама, догоняя то, что не успела, приводила себя в порядок в кабинете. Ведь, как и всем, ей пришлось ехать в этом проклятом автобусе, зажатой, как селедка, среди дурнопахнущей публики. Стоять, не имея возможности повернуться. Потом метро, потом опять автобус. И так всегда. Конечно, ей одной было скучно, но не могла же она заниматься «серьезнейшим делом» вместе с подчиненными.

Были в отделе дни, когда все, кто в нем работал, не могли сдерживать улыбки, а потом разражались смехом. Расскажу об одном таком. Одна из сотрудниц должна была отмечать какой-то юбилей, в связи с чем и была приглашена на него. Она пришла на работу в весьма не новом платье, но чистом и опрятном, довольно симпатичном. Но оно было куплено давным-давно, еще в девичестве и стало ей мало. Подойдя к какой-то полке с документами, она потянулась за папкой, и о ужас! Из-под платья показалось то, что носили многие женщины страны. Показались необъятные трусы сиреневого цвета толщиной в сантиметр да еще с резинками. Отдел залился хохотом. Пошли в ход булавки и заколки, чтобы укоротить это произведение «знаменитых русских дизайнеров» на одну треть.

Не так давно, в 2010 году, один русский коллекционер выставил в Париже сотни экспонатов нижнего белья, которое носило подавляющее большинство советских женщин до смерти Сталина 1953 года. Потом стало получше с этим делом, но не очень. Парижане умирали со смеху, не понимая, как эту «сбрую» можно носить. Выставка имела огромный успех.

В конце концов рабочее помещение становилось тем, чем должно быть. Все «немыслимые инструменты» прятались в сумочки. Место на столах гордо занимали устаревшие счетные машинки.

Для чего они это делали – для меня тайна. Для пары пузатых старых начальников или для ожидающей толпы несчастных просителей со всей России, которым надо было достать запасные части для тракторов или машин, нужных в сельском хозяйстве. Тоже подозрительно. Эти части или давно проржавели, или были пропиты. Неделями эти просители жили в командировке в Москве. Были конечно среди них и молодые и симпатичные. Я думаю, вся эта красота наводилась для них. Хотя, может, и для любимых мужей, когда наши кормилицы появятся вечером в доме с двумя тяжелыми сумками в обеих руках, чтобы с завтрашнего дня начинать все сначала. Любимые наши! Какая вам досталась доля. Мы любим вас и жалеем вас!

О себе и о сыне

Теперь о себе и о сыне. Точно такой же путь до работы. Входим в школу. Я прохожу к себе в зал. Я преподаватель физкультуры. Впереди шесть уроков по одному часу. Сына сегодня в школу не впускают. «Жорик, у тебя отросли волосы, длиннее, чем нужно. Быстро в парикмахерскую!» Он предпочитает прогуливать и вообще в школе в этот день не появляется. Взрослый – уже 12 лет. Вхожу в зал. Маленький спортивный зал – даже крошечный. В нем обычно на уроке 35 человек – мальчиков и девочек от первого до десятого класса.

Спортивные снаряды и маты изношены до последнего. Денег нет на покупку нового инвентаря. Весь зал от пола до потолка покрашен мной – бесплатно. За это не платят. Спортивный пол очень трудно красить. Много разметок.

Я, чтобы заработать больше, взял на себя непосильную нагрузку. Я – старший преподаватель, а это значит, я обеспечиваю весь педагогический процесс в школе по физическому воспитанию. Это значит, что я ответственный за все дополнительные часы, причем бесплатно. Я ответственен за все соревнования по своей школе. Кроме того, я классный руководитель десятого класса «В». Мне дают зарплату в общей очереди. Преподаватели других предметов с завистью наблюдают, что я получаю большую зарплату, чем они, не намного большую, но для зависти хватает. Они не понимают, что каждый день через мои руки проходят шесть классов по 35 человек – 210 человек.

А это означает, что теоретически я могу столкнуться со множеством увечий или легких травм, а может и со смертью. Я вхожу в свой кабинет. На стульях, на моем столе сидят детишки. Возраст зависит от класса. «Фердинанд Георгиевич, что мне делать? Я его люблю, а он меня нет?» – десятый класс. «Фердинанд Георгиевич, чего он меня все время дергает за косичку?» – это пятый класс. И это все время – бесконечно. Они меня любят, и делятся со мной всеми своими проблемами.

В школе не соскучишься. Дети – есть дети в любом возрасте. Много сложностей, много смеха, много детской дружбы и много обезьяньей суеты и всяческих затей. В общем обычная школьная рутина. Но бывает такое...

Однажды у меня не было урока, и я сидел в своем кабинете, и что-то писал в журнале. Раздался тихий стук в дверь и в кабинет вошел десяток необычных молодых людей. Меня поразило насколько они были хорошо развиты физически, модно одеты и чрезвычайно деликатны. «Фердинанд Георгиевич», обратился ко мне один из них. «Мы хотели бы пройти у вас практику по физическому воспитанию детей средней школы, в течение одного месяца. Сами мы студенты института физической культуры и практика входит в нашу программу».

В обратившемся ко мне молодом человеке, я узнал прославленного капитана сборной СССР, Валерия Харламова, а в остальных – игроков этой легендарной команды. Это были чемпионы Мира, Европы и Олимпийских игр. Я спросил, кто их послал ко мне. Оказалось, что это была директор моей школы Валентина Ивановна Павлова. Мне показалось смешным, что звезды такой величины должны проходить практику в школе, как будто они должны были стать учителями. Потом мы поговорили о всяком разном, и я на прощание сказал, что через месяц капитан команды может придти ко мне с зачетками, в которых я распишусь в том, что они прошли практику на отлично. Я был очень доволен, что мог познакомиться с ними, а они, что я их понял. На прощание я попросил их подарить школе 30 хоккейных клюшек и 20 баскетбольных мячей, в которых школа страшно нуждалась. Они все мне это обещали. На следующий день команда улетела в Америку.

Прошел месяц, и на пороге моего кабинета появился Валерий Харламов. В руке он держал зачетные книжки. «Фердинанд Георгиевич», – я совсем забыл, что привез вам то, что вы просили. Я сбегал к машине и все это будет у вас в кабинете. Я был счастлив – хок-

кейные клюшки и мячи, о которых я и не мечтал. Но он на этом не остановился. «Фердинанд Георгиевич! Я дарю вам мою собственную клюшку, которой забил последнюю шайбу на Всемирной Олимпиаде в Саппоро – Япония. На этой клюшке расписались все игроки команды. Примите на добрую память». Для себя я отметил, что передо мной стоял интеллигентнейший и хороший человек. Я сказал ему спасибо, поставил роспись в зачетках, и мы попрощались. Клюшка была для любителей хоккея абсолютно бесценной. Это была мечта всех фанатов хоккея. К сожалению, это была наша последняя встреча. Вскоре Валерий Харламов погиб в автомобильной катастрофе. Жалко молодую жизнь до слез.

Сколько друзей впоследствии приходило к мне и я видел, что их терзает «белая зависть». Клюшка висела у меня на стене до самого отъезда. Когда мы собирались, то оказалось, что она не влезает ни в один чемодан. Я взял и распилил ее пополам косым срезом, чтобы потом склеить. Так она и пропутешествовала с нами по Италии и Америке, пока не попала в Германию. Там, я ее в жизненной сумятице куда-то положил. Одну часть туда, а другую куда-то, и забыл о ней. На этом приключения знаменитой клюшки не закончились. В 1992 году я возвращался в Германию из Москвы. Поезд весело вез меня в Ганновер. По дороге я познакомился с проводником вагона, оказавшимся отчаянным любителем хоккея. Он помнил имена всех хоккеистов и названия всех команд, когда-либо игравших в мире последние 20 лет.

За рюмочкой я рассказал ему, какой ценностью владею. Прежде, мне редко встречались люди, у которых в глазах возникла такая печаль. Печаль безысходности. И я все понял – эта клюшка должна быть у этого человека, а не у меня. Я, наблюдая за ним, промолчал. При подъезде к Ганноверу, мы обменялись телефонами. Я спросил его, когда он снова будет в нашем городе и получил ответ – тогда-то, в такой-то день и час. Прошло четыре дня – и я встретил его на перроне. Молча протянул ему крюк от клюшки, на котором была только половина подписей команды. Я объяснил, что ручку не могу найти. Он страшно обрадовался этому, но одновременно как-то сник. И я все понял.

Он уехал в Москву, а я перевернул весь дом и нашел ручку с подписями остальных игроков. По телефону мы договорились о новой встрече. В пять часов утра я приехал на вокзал и передал проводнику его сокровище. Со времени встречи с Харламовым прошло 35 лет. Но каждый настоящий любитель хоккея во всем мире может назвать по именам всех игроков легендарной команды, тем более имя Валерия Харламова. Виси, моя клюшка, на стене дома – в Москве, у настоящего фаната, на счастье – клюшка Валерия Харламова.

Забыл сказать, что перед последним прощанием с Харламовым, я, как преподаватель анатомии и физиологии, из любопытства попросил его показать мне свою ногу. Он засучил брючину и я провел по его берцовой кости ладонью. Это не была гладкая кость, она выглядела, как пила. Кость была вся в зазубринах. Вот, так достается спортивная слава – такая вот жизнь хоккеистов.

Проходит день, заполненный трудами. Я беру сына шестиклассника за руку и мы идем домой. Питание в школе отвратительное. Я вечно голодный из-за большой нагрузки. Сын тоже недоедает. Опять автобус, метро, автобус.

На душе грустно. Почти все что я зарабатываю, уходит на еду. Все что зарабатывает моя жена, тоже на еду. Остаток только на оплату квартиры и кредита. Об одежде речь и не идет. А где деньги на мыло? Два человека с высшим образованием не могут заработать на жизнь.

И это абсолютно правдивая картина – для всей страны, за очень редким исключением. Да нет, для многих еще более мрачная картина, особенно в провинции.

Нас с женой спасали еще наши сравнительно молодые годы и Москва. Как жили и что переживали более старые люди, очень трудно представить. Хотя «привычка – вторая натура». Одно могу сказать, что и сейчас многое из того, что я описал, остается. И так живут

миллионы людей. Как положительную сторону нашей жизни в те времена могу отметить, что криминала, в сравнении с теперешним временем, в школе было исчезающее количество. Учитель не боялся учеников. Учитель пользовался уважением. Пьяных и ругающихся матом людей я увидел в транспорте впервые в жизни перед отъездом в 1976 году.

Но система явно гнила и дурно пахла. Мне и жене даже не приходило в голову учить язык той или иной страны. Мы знали, что никогда нас не выпустят. Слава Богу, что это случилось. Работа на износ, маленькая зарплата. Учить язык не имело смысла. Вот, мы и выехали немые. А жалко. Как моя семья хотела бы жить в достойной стране, никуда из нее не выезжать. Как бы мы с женой хотели, чтобы все жили в своих домах достойно и счастливо, а не пересекали часовые пояса. Чтобы люди не мучились на чужбине. Ведь и там не съешь больше двух кусков, и не посидишь на двух стульях.

Ведь, счастье не в деньгах, которых «трудом праведным» не заработаешь. Счастье всегда в том, что человек доволен тем, что он имеет, доволен тем, что живет у себя на Родине. Доволен тем, что открыл сердце Господу и помогает жить другим по мере сил своих. Вот такую картину я хотел описать для западного читателя. А вы, русские люди, знаете об этом лучше, чем я. Жалко, но ничего нового я для вас не открыл. Где бы вы не жили, я желаю вам счастья и Божьей помощи. А главное – Свободы.

СССР был страной чудес

Никогда, в любой стране мира, не могло существовать то, что было в прежнем СССР. В крупных городах были специальные магазины под названием «Березка». В этих магазинах продавались абсолютно качественные западные товары: еда, вино, одежда. Можно было купить продукты, сигареты, даже автомобили, избежав записи на них на пять лет вперед. У входа в эти магазины стояли сотрудники КГБ. Они были и внутри. Не дай Бог советскому человеку достать по черному западную валюту и войти туда. Тюрьма, сразу и без оговорок. Против этих людей под названием «валютчики» предпринимались строжайшие меры. Эти магазины обслуживали тех, кто работал за границей. Я однажды зашел в этот магазин, имея разрешение на владение английскими фунтами. Этот документ дала мне мамина сестра, посетившая нас. Она жила в Англии. Так вот я имел от нее подарок 50 фунтов. Первый шаг в магазин, и я был схвачен. Начался допрос. Но отпустили. Все было официально. В такой же магазин когда-то вошел лауреат нобелевской премии академик Сахаров и потребовал, чтобы ему продали товар за русские рубли. Был большой скандал и тем не менее товар ему не продали. Несмотря на то, что это был Сахаров, сказали, что он сумасшедший. Бывало, люди, доставшие где-то валюту заходили туда. Потом домой они не возвращались. Тюрьма, ссылка. Точно по Орвеллу «Скотский хутор».

«Страна, где все были равны – другие были равнее». Я бы хотел посмотреть в каком западном обществе могло бы это произойти. Несчастный русский доверчивый народ. Тысячу лет издевательств сделали его рабом послушным и тихим. Прав был М.Ю.Лермонтов, написавший в 1837 году: «Прощай, немытая Россия, страна рабов, страна господ, и вы, мундиры голубые, и ты, послушный им народ. Быть может, за хребтом Кавказа, укроюсь от твоих пашей. От их всевидящего глаза, от их всеслышащих ушей» (Лермонтов М.Ю.).

1976 год 31 сентября. Моя семья – я, жена и сын решили уехать из страны СССР. Страны, в которой родились и выросли. Мне 42 года, жене 39 лет, сыну 13. Мы не можем в ней дальше жить. Мы не чувствуем себя гражданами, это больше не наша Родина, не наш дом. Мы задыхаемся от лжи, которая как паутина опутала страну Советов. И между прочим мы покидаем ее навсегда, так решили «наверху». Это было тогда негласным законом. Покидаем страну «чудес», которую нельзя было сравнить ни с одной страной мира – по количеству этих чудес.

В этой стране, в любой семье можно было оставить кран с горячей водой открытым, и пусть себе горячая вода-кипяток течет себе неделю или месяц. В этой стране во всех городских квартирах, в домах «хрущевках»⁴ батареи отопления шпарили день и ночь зимой и летом при открытых окнах или форточках. Попробуйте это сделать на Западе! В этой стране в моей семье можно было бы оставить четыре газовых горелки зажженными. И пусть себе горят месяц или сколько хочешь, без перерыва. За это все равно будешь платить просто смешные копейки, как и за воду или отопление.

В этой стране мы могли говорить по телефону долгими часами, и тоже это стоило копейки. В этой стране миллионы людей получали плохие или хорошие квартиры бесплатно. Мясо 2 рубля килограмм, водка – 2 руб. 15 копеек бутылка. Зарплата от 60-ти до 200 рублей в месяц. Проезд в метро стоил 5 копеек. Катайся целый месяц, если не выйдешь на улицу. При всем при этом, оттуда надо было бежать. На питание уходило 90 % зарплаты. Была поговорка «Чтоб ты жил на зарплату инженера или врача». На одежду западного производства надеяться нечего. Ни этой одежды, ни денег на нее в моей семье, состоящей из двух людей с выс-

⁴ Панельные – дешевые дома, построенные при Хрущеве – 1957–1964.

шим образованием и школьника сына, не было. Россия жила на «авось». То есть, проживем как-нибудь. Женские сапоги стоили больше, чем зарплата инженера в месяц – 150 рублей.

По всей стране вплоть до 1992 года, пока не заработал свободный рынок, был дефицит всего. Повсюду звучало чудесное слово «выбросили». В каком-то уголке Москвы «выбросили» яйца польского происхождения, и выстраивалась огромная очередь. В другом уголке Москвы «выбросили» лифчики чешского производства – очередь. Там «выбросили» личную колбасу. Там, о чудо!, «выбросили» свежих куриц. Слово «выбросили» было навязчивой мечтой советского народа на протяжении всего времени от революции 17-го года и вплоть до 1992 года.

Начальница на работе жены моментально освобождала двух своих сотрудниц и посылала туда, где можно было ухватить за хвост это замечательное слово. И плевать, что их не было на работе целый день, лишь бы они что-то достали для отдела. Особенно это чудесное слово влияло на женскую половину страны, если оно обозначало «выбросили» косметику западного производства. Русская помада стекала с губ наших красавиц. Неимоверное количество слюны требовалось, чтобы размочить тушь или другие ингредиенты, необходимые для процесса по наведению красоты. Муки, муки, и еще раз муки!

Бывало, случались настоящие чудеса. Теперь они касались мужчин. На протяжении пары месяцев в году, исчезали лезвия для бритв, и ЭТО приводило к тому, что «сильный пол» выглядел обросшими щетиной «викинггами». У тех же, кто ухитрялся побриться тупой бритвой, на лице красовались царапины, что могло привести к мысли, что это следы острых коготков, полученных при семейной ссоре.

А вот еще чудеса, которые касались всего населения России. Есть многочисленные фотографии, на которых стоят счастливые обладатели туалетной бумаги. Она была страшным дефицитом. Так вот, на их шеях, виде ожерелий, висели рулоны этого добра. Практически, пока не заработал свободный рынок, постоянно, как я уже писал, был ужасающий дефицит.

Во всех туалетах была только нарезанная газетная бумага весьма скверного качества. При чтении газет свинцовая пыль пачкала руки, наверное, причиняла большой вред при употреблении в неположенном месте.

«Выбросили» косметику западного, чешского или польского производства – стойте целый день. Может быть, достанется. А неподалеку всегда стояли женщины, у которых сумки были набиты этим добром. Каким-то образом директора магазинов снабжали их этой мечтой. Но у спекулянтов они стоили в три раза дороже. Милиция их не трогала. По-видимому, у их жен западной косметики было достаточно. Не спали наши жены спокойно – где достать обувь и кофточку? Где достать юбочку, где достать колготки? Скажите, где, где, где?

Вот так и жили. На беглый взгляд в городах были модно одеты. Но все в одном экземпляре с ног до головы. Бедные наши, любимые наши. Я лично стоял в Москве в магазине «Лейпциг» около одиннадцати часов. И как я был счастлив, когда притащил жене кофточку, лифчик и трусики. Как мужчине, мне было стыдно стоять за этим. Жена работала. Ну спасибо, что «выбросили». Зато ты мог получить высшее образование совершенно бесплатно и стать инженером, врачом и так далее. И провести остаток жизни в бедности, в рабстве и во лжи. Если бы ты захотел поехать в социалистическую страну Болгарию, чтобы провести отпуск, то тебе был бы учинен целый допрос: «На какие деньги, как имя руководителя страны, какое внутреннее политическое устройство, а главное – зачем?»

Выезжать из страны могли только люди, проверенные КГБ и принадлежащие к сливкам общества. Если ты выехал в капиталистическую страну, то никогда бы не посмел появляться на улице один. Только группой из 3–4 человек, в которой был всегда один доносчик, соглядатай. И если ты все-таки ушел один – прощай, работа и будущие поездки за границу, навсегда. Слово «Правда» стояло только в заголовке центральной газеты, где все страницы

были заполнены лживыми словами и обещаниями. Не надо нам такой страны СССР – мы уезжаем.

У меня был один знакомый артист. В погоне за валютой он на всем экономил, мечтая привезти домой одежду для жены и детей с Запада. Для этого с ним был вечный кипятильник. Он промывал раковину для умывания в отеле, наливал туда воду, засыпал два пакета сухого супа. И вот однажды, когда он приступил к приготовлению супа и всунул кипятильник в воду, произошло короткое замыкание. Свет в отеле вырубился. Наступила темнота и хаос. Бегая по коридорам в поисках рубильника, люди сталкивались друг с другом, пока не нашли причину, и свет был включен. Даже народные артисты не могли позволить себе провести время в ресторанах, настолько были бедны, что экономили деньги на одежду западного производства.

Я вспомнил об одном случае. Далекое прошлое 1948 года. Мне 14 лет. Утро. Во дворе появляется полупьяный художник Лепилин. Он – участник войны. Прошел от Москвы до Берлина. Ноги нет, к колену привязана деревяшка. «Вот хорошо, что я тебя встретил, Фердинанд! Имя-то какое. Напоминает Германию». Мы садимся на скамеечку у почти сгнившего стола во дворе. Удивительная пара. Мальчишка, а напротив старик. Я слушаю его внимательно. Слова толчками вылетают из его рта, в котором торчат два-три зуба. Он жестикулирует дрожащими руками. Алкоголь без меры добивает его. Ему было лет пятьдесят. Он рассказывал мне, что побежденные жили в сотню раз лучше, чем победители. Он знал, что я о разговоре никому не расскажу, так как папа был немец. Поэтому он столько мне всего рассказал, что хватило бы на сто лет страшных сталинских лагерей.

Сейчас мне 77 лет, но я помню тот разговор до слова. Как ни странно, я понимал Лепилина. Нет – в 1976 году я и моя семья не хотели больше жить в стране СССР. Чудеса часто посещают людей. Они особенно приятны, когда окрашены в розовый цвет. Вот я просыпаюсь утром, открываю глаза и... у меня ничего не болит. Мне подарен целый день жизни, полный забот и светлых надежд. Это мой день, и я должен прожить его хорошо. Но иногда я принимаю близко к сердцу коварную жизненную суету, окружающую меня в XXI веке, полном тревог, неразберихи и какого-то мерцающего обмана. А где же другие чудеса?

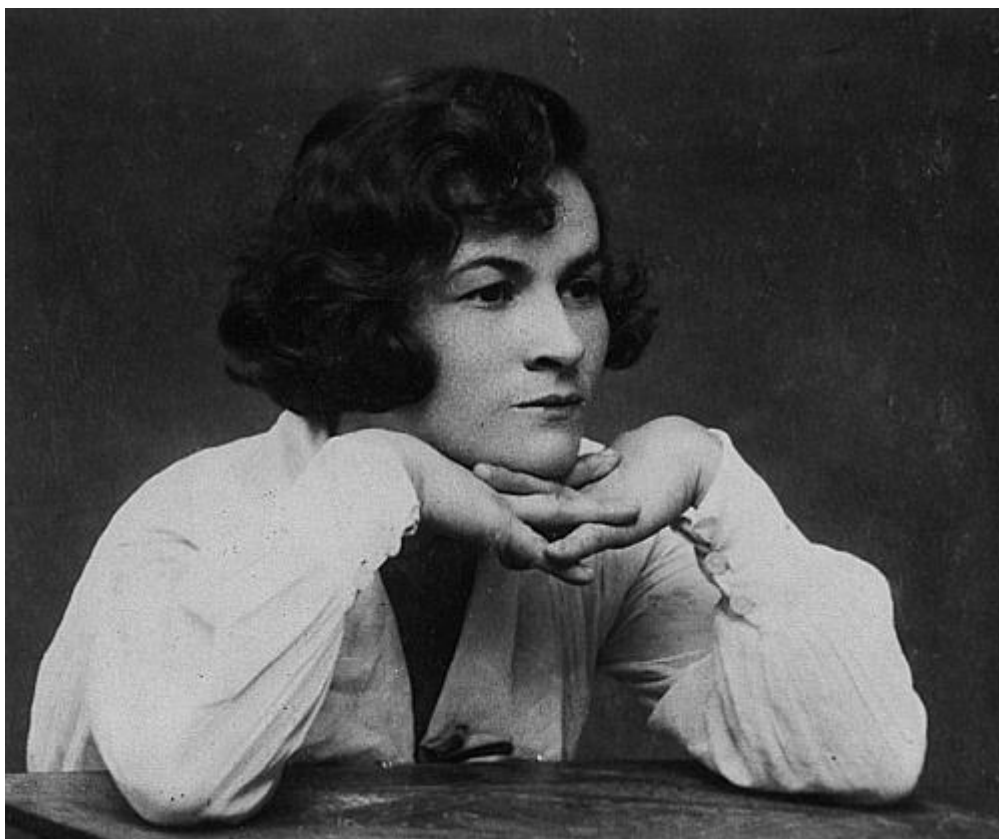
Да вот они. Я прожил 75 лет. И если за всю свою жизнь я написал три письма, то это много. Терпеть не мог бумагу и чернила еще со школьной скамьи. И вдруг, после тяжелой болезни, приведшей к операции, уже находясь дома, я попросил жену пойти в магазин и... купить ручку и бумагу. В ответ я увидел удивленные глаза. «А зачем?» Я не стал отвечать и повторил свою просьбу. Появилось все, что я просил... и пять книг разошедшихся в «интернете» по всему миру.



Мои замечательные предки. Крестьяне из Хаале-Заале. Моя прабабушка, моя бабушка, мой дедушка, мама дедушки, сестра дедушки. Фото 1897 года. Смотрите, какое достоинство у крестьян. Смотрите, как одеты. Смотрите, смотрите, как было 104 года назад: и это – крестьяне.



Георг Фингер. Герой Первой мировой войны. Награжден высшей наградой – «Железным крестом». Мой отец. Фото 1920 года.



Моя мама. Фото 1923 года. Жила самостоятельно в г. Алеништейн. Германия.

Глава III

Подготовка к отъезду

К тому времени, когда я пишу эту книгу, прошло 33 года с достопамятной встречи с Монеи. Маленький, лысый еврей, лет пятидесяти пяти доставил нам и горести, и радости. Подарил нам надежды пережить время между подачей документов и получения визы на выезд. О нем немного позже.

Как и почему в этот удивительный день жена прибежала на птичий рынок? На это были чрезвычайные причины. Во-первых, мы были коренные москвичи. Мы любили наш город, который Теофиль Готье описал 150 лет назад. В 1950–60-х годах это был еще почти патриархальный город. Чистый, мытый и с кривыми улицами, по сторонам которых стояли купеческие дома. Почти не было ужасных промышленных районов, которые так уродуют города. Конечно, торчали сталинские высотки, но они не были настолько ужасны, чтобы изуродовать архитектуру города.

Я мог вечерами сидеть в пахнущем липовым цветом воздухе с друзьями и подругами и петь песни под гитару у памятника Пушкину. Тишина. Небольшой поток машин, говорок проходящих людей. Дожди в Москве быстрые, летние, теплые, щекочущие и совсем не надоедливые. Пошел и прошел. Снимай ботинки или туфельки и беги со счастьем по теплым чистым лужам. В 1952 году магазины были заполнены продуктами и отрезами материи. Все это только не для простого народа. Еда стоила очень дорого. Было не до деликатесов, лишь бы прокормиться. Зато чистый воздух выдавался бесплатно. За этим Сталин уследить не мог. На прилавках стояли огромные банки с черной икрой всех сортов. Осетры поражали своими размерами. Шелка, которых сейчас в 2011 году на Западе и не найти. Любые породы рыб, маслины. Да и всего не перечислить. При всем при этом не было дня, чтобы народ не мучился мыслями о том, как прокормить себя и своих детей. Подавляющее население страны жило в коммуналках.

Бедность была уделом народа. Таких продуктов, которые были в магазинах Москвы в те времена, теперешние русские люди никогда не смогут попробовать. Они были самого высокого качества. Но абсолютно недоступны большинству населения страны. Наша семья всегда недоедала. На перемены надеяться было нечего. Картошка, капуста, керосин – готовь и ешь.

Во-вторых, советская власть запросто и без размышлений распылила моего папу, мать жены, родных моей мамы. В общем, рассчитались с ними по полной программе, причем ни за что.

В-третьих, два человека, оба с высшим образованием, зарабатывали только на то, чтобы прокормиться и дать музыкальное образование сыну.

В-четвертых, основным моментом для решения уехать был случай, который мы наблюдали в 1975 году в универсаме. Мы пошли купить мяса. Из какой-то двери магазина со скрипом выехала квадратная конструкция, напоминающая клетку для тигра. Клетку со ржавыми прутьями на колесах. Внутри нее лежали грубо порубленные куски мяса, перемежку с костями.

Толпа людей стала остервенело вытаскивать эти куски между прутьями. Ажиотаж был необыкновенный. А администратор с красной рожей, с ухмылкой смотрел на происходящее. Я сказал жене: «Пойдем. Это – конец».

В-пятых, об очень грустном. Мама моей жены, потрясающий по честности и порядочности человек, прошедший всю войну от Москвы до Вены, орденноносец, работавший на закрытом предприятии, была загнана системой в тупик и покончила с собой. Видимо, не

могла по-другому, хотя на руках были ордер на квартиру, внук и любимая дочка. Я не мог найти места, чтобы достойно ее похоронить. В двух случаях я видел поля, отведенные под кладбища. В свежевырытых могилах стояла наполовину вода, куда и опускали гробы.

Когда я нашел приличное место на другом кладбище, то через месяц мне сказали, чтобы я забирал урну, так как в этом месте будут хоронить крупного чиновника. Я забрал, будь они трижды прокляты.

В-шестых, какой там барон Мюнхгаузен, он младенец перед нашими умельцами. Ложь, ложь, сплошная ложь во всем. Страна на глазах падала в яму. И жить нормальному мыслящему человеку в ней стало невозможно. Анекдот: «Красная площадь, Кремль, надпись – «Кто ЗДЕСЬ не работает, тот не ест».

В один из хмурых осенних дней мы посетили мою маму. Она встретила нас и, посмотрев на нас материнским теплым взглядом, сказала: «Эх, что-то мне не нравится, как вы выглядите. За эти деньги не стоит и работать». Нам слова мамы очень понравились. Вообще по нам лучше много работать и за это достойно жить.

– Может, вам смотать отсюда, да поскорее?

Я возразил: «Мама, если мы отсюда уедем, то зачем ты меня рожала? Мы же с тобой потом никогда не увидимся».

На что она мне возразила: «Времена меняются, сыночек. Дай Бог, и увидим друг друга, да еще проживем сто лет».

Я маму втройне зауважал. Эта женщина, прошедшая ад 1937 года, видимо, знала, что говорит.

– Я еще предчувствую, что эти недоумки от безнадеги затеют войну, а у вас растет сын.

Ну, точно как в воду смотрела с этим Афганом. Нам этот совет захотелось использовать. Тем более, что под маминой квартирой жил сосед Арон с женой Галей. Они пару лет назад решили уехать в Израиль. Но совсем не приняли во внимание, что работали на каком-то предприятии, где на 1/3 было что-то секретное. Вот эта забывчивость и стоила им потери работы. Их не выпускали упорно. Жили они на крошечное пособие, которое выдавала им какая-то еврейская организация, видимо, международного масштаба.

Два интеллигентнейших человека жили в эти годы в страшных условиях, на которые их обрекла советская власть, только за желание уехать из страны. Они были никем и ничем. В любое время могли загнать в Сибирь. Как я узнал потом, их невероятное упорство и бесстрашие привели к тому, что их выпустили. Ну вот мы и появились у Арона и Гали.

Они нас выслушали и сказали, что нужно абсолютно секретно передать в Израиль данные о нас. Для этого есть способ. Какой-то человек зашьет их в пояс. И вот так они попадут туда, куда надо. Вот на что толкала людей эта власть. Она многое с нами проделывала, но из-за нее, нас ни в каком виде «в пояс не зашивали». Выпускали людей только под предлогом «воссоединения с семьей», т.е. у тебя в Израиле должны были быть близкие родственники. У меня с женой ни одного близкого родственника, да и самого дальнего тоже не было. В этом случае нам просто страшно не повезло. Встал вопрос: «Ехать или не ехать? Выпустят ли нас?»

Я на треть еврей, на треть немец, на треть француз, и на остаток – кто знает. Жена русская, а сын? Подсчитывайте сами. Главное – мы решились, написали наши данные и они прямым «секретным ходом» понеслись-поехали в «страну обетованную».

Мы ушли, но на душе остался противный осадок. У нас сложилась патовая ситуация. Здесь жить невозможно. Там – неизвестность. Что делать? Мы жили в Чертаново – пригороде Москвы, в доме-башне, почти в новостройке. Ее построили в 1973 году, а до этого мы жили на юго-западе на улице Новаторов в однокомнатной «хрущевке»⁵, однокомнатной

⁵ Хрущевки – дома, построенные при Хрущеве.

квартире размером 18 м². В ней родился наш сын, и в ней вместе с молодостью было прожито десять лет. Мы вырвались, наконец-то, из коммуналки – она нам больше не грозила.

Но по мере того, как наш сын рос, мы столкнулись с определенными проблемами, проблемами этическими, которые ставил перед нами наш возраст. Ну ладно, как то обходились. Хотя становилось все теснее и теснее. Но ведь «нет худа без добра». Известно, что Россия – страна чудес. Большинство которых очень плохие, но иногда бывают и хорошие. В один удивительный день, вернее в полвторого ночи, раздался звонок. Я, спросонья, схватил трубку и услышал голос друга Саши, по которому четко понял, сколько в нем находится всякой смеси, состоящей из водки, коньяка и шампанского. Довольно бодрым голосом он сказал: «Ферд, выручай. Мы с Раей (женой) тут рядом, недалеко в гостях, отмечаем день рождения друга.» Знал гад, что я гитарист и любитель веселья, вот и пристал как «банный лист к жопе»⁶. «Саш! Я не шут, чтобы вас забавлять посередине ночи. Риточка спит, я почти тоже». Но мои объяснения не помогали. В трубке неожиданно раздалось другие голоса, просившие об этом так же настойчиво.

Я вспомнил бессмертные слова песни Бетховена «За друга готов я пить воду, да только с воды меня рвет». Мы с женой встали, оделись и, повесив гитару на плечо, пошли в гости. Было два часа 15 минут ночи. Дверь открылась, и я услышал голос друга: «Ну, что я вам говорил? Вот настоящий человек. Готов выручать друзей в любое время дня и ночи». На мой взгляд, компанией было уже выпито немерянное количество. Хотя могу отметить, что все держались на ногах, но при объятиях так навалились на нас, что мы едва не упали на пол.

Знакомьтесь. Мы стали знакомиться. «Николай», – сказал один. «Петя», – сказал другой. Я оглянулся на жену. Она утопала в объятиях и поцелуях какой-то женщины, которая представилась Наташей. Оказалось, что она – одноклассница моей жены. Они не виделись много-много лет с тех пор, как учились в школе. И пошло-поехало, и понеслось. Пропели по утру петухи в близлежащей деревне. Но было так хорошо и тепло, что песни не кончались, как и не кончался поток живительной влаги. Получилось так, что один из новых друзей оказался ректором государственного университета, а другой председателем Райисполкома с населением в сотни тысяч человек.

Всему приходит конец. Вставало солнышко, запели трезвые как всегда птицы. И вдруг «Провидение» послало мне блестящую идею. «Ребята! – сказал я на прощание. – Я вам спою мою любимую песню». «Давай, давай», – закричали все. И я спел, зачем – сам не знаю. Но Господни пути неисповедимы. И спел я ее, как оказалось, совсем не зря.

Кудри вьются, кудри вьются
Кудри вьются у бл...ей,
А почему они не вьются
У порядочных людей.
А потому что у бл...ей
Деньги есть на бигудей,
А у порядочных людей
Все уходит на бл...ей.

Песня произвела фурор необыкновенный. Председатель исполкома и ректор университета просили без конца повторять эту песню. По моему глубокому убеждению в нее был вложен смысл, который волновал моих новых друзей. И этот смысл вызывал в их душе какое-то сожаление о деньгах, потраченных на «воплощенную невинность».

⁶ поговорка

Когда мы были в гостях, то в перерывах между песнями председатель исполкома спрашивал, где я живу, кем работаю и так далее. Я не жаловался на тесноту, так как не привык это делать. Когда я прощался с Колей, он мне сказал: «Ферд, через три дня в такой-то час придешь в райисполком. Не опаздывай». Я сказал: «Ладно, приду». И мы расстались. Пришли домой и долго-долго спали. Благо, была суббота. В назначенный день я сидел в огромной приемной райисполкома между двумя людьми, почему-то оказавшихся генералами. Прошло какое-то время и раздался голос секретаря: «Товарищ Фингер, проходите».

В огромном зале прямо по центру сидел Николай, а за боковыми столами сидела комиссия с важным видом. Я же сказал, что Россия – страна чудес. Николай, обратившись к комиссии, описал в самых черных красках мои жилищные условия, причем сказал, что советский учитель и интеллигент должен жить лучше и при этом выразительно посмотрел на членов комиссии, на что они утвердительно закивали в знак согласия.

В новой двухкомнатной квартире, которую мы получили через две недели, было 45 м². Туалет и ванна были раздельными. По теперешним ценам 2011 года такая квартира стоит 200 000€.

Ну, вот и вся история. И это в Москве. Где люди стояли в очередях за получением квартиры долгими годами. «Судьба, судьба играет человеком, а человек играет на трубе».

Вернемся к будущему – к 1975 году. После Гуревичей мы пришли домой, а так как уже ничего нельзя было вернуть, мы позатыкали все отверстия в квартире чем можно было. В ход пошел даже старый лифчик жены, за неимением другого. Нормальные трусики и лифчики, а также туалетная бумага были в стране страшным дефицитом. Убедившись, что нас не может теперь услышать КГБ и «даже ФБР», мы стали умно рассуждать о своем будущем. У нас было два самоучителя по ивриту, которые нам дал Арон. Один мы взяли себе, а другой отдали сыну. Пришло время спать. За окном моросил противный дождь, терлись друг о друга печальные ветви деревьев, по мокрому асфальту шуршали машины. Но это даже понравилось нам, был дополнительный шум, который мешал, как мы думали, подслушивать наши разговоры многочисленным врагам.

Мы взяли фонарики, залезли под одеяла и стали изучать иврит. «Рит, а, Рит, по-моему, мы его никогда не выучим. Ведь в нем нет ни одного слова, похожего на наши слова, даже матерного». «По моему мнению, любой язык надо изучать именно с него. Он до чертиков лаконичен и выразителен». Так и не выключив фонарь, за что и полетела последняя батарея, с самоучителем иврита мы уснули. Шутка-шуткой, но случилось неожиданное.

Проснулись мы утром, услышав радостный голос какого-то молодого человека. Это был наш сын, но говорил он на каком-то непонятном языке. Это был иврит. Когда я его спросил, что он говорил, то он сказал: «Доброе утро, и когда и куда и зачем мы поедем, и как я буду дальше без друзей, и что ТАМ мне в этой новой стране будут давать на завтрак, и будет ли там кока-кола и жевачка». Конец света! Вот что такое молодые мозги. Кстати, ни одного слова на иврите мы с женой не знаем. Очень жалко, конечно, что мы его не выучили, не пригодился. Мне лично стыдно, как еврейю на одну треть, хотя бы треть этого красивого и древнего языка я должен бы знать.

Откровенно говоря, с того момента, как нас «зашили в пояс», мы жили в постоянном страхе. Боялись угодить в Сибирь. И вот пришло долгожданное письмо с приглашением от некоего Якова Забарского, который вызывал нас в Израиль на постоянное место жительства с целью воссоединения с семьей.

С этим письмом-приглашением мы с женой пошли в районный отдел КГБ и подали заявление на выезд. Нас спросили: «А кем он вам приходится?» Я сказал, что троюродным братом. Ну, смех и грех. Родная мать и брат живут в Москве, а воссоединения с семьей нужно искать в Израиле. Гебист, видимо, был очень удовлетворен тем, что нам придется объеди-

няться с троюродным братом и больше вопросов о мифическом троюродном брате не задавал.

Только через много лет я узнал, что данные, которые давали люди о себе, попадали напрямую на «Лубянку» в самый высокий дом России, «из которого Сибирь видать»⁷.

Происходили какие-то взаимосвязанные операции между КГБ и Израилем, в результате чего из Израиля приходили письма с приглашением на выезд. После нашего посещения отдела КГБ ко мне на работу и на работу жены пришли по паре человек и известили начальство о нашем намерении покинуть СССР. Мы автоматически объявились «врагами народа».

Как только это случилось, со мной в школе перестали разговаривать, но сразу не вышли – все-таки учитель. С женой получилось по другому. Мне позвонили с ее работы и сказали, чтобы я срочно приехал, с женой плохо, она в обмороке. Действительно, когда я приехал, то увидел, что моя прелестная, тишайшая, милая жена лежала на диване, и вокруг нее хлопотали сотрудницы. В комнате пахло нашатырем и валидолом. Я чуть не упал от страха. Оказывается, ее начальница-еврейка сказала, что она враг народа, и она готова ее задушить собственными руками.

Я кинулся к начальнику «Россельхозтехники», сказал ему тоже – еврею, а как бы он себя вел, если бы это случилось с его женой, при желании уехать в страну «обетованную». На что услышал: «Фердинанд Георгиевич, немедленно напишите на начальницу вашей жены жалобу в КГБ и пусть они гонят ее вон». В этот момент я подумал, что значит солидарность и любовь русских евреев друг к другу. Я наорал на начальницу, вызвал такси и уехал подальше от «Россельхознавоза». Где ты сейчас, «начальница»? Сегодня без всякой визы можешь лететь в Израиль, и как же тебе будет всегда стыдно за унижение, весьма не виртуальное, одной из лучших, тишайших женщин на свете.

Что касается изучения иврита, то я сказал, что Израиль скоро станет маленькой Россией, если такие, как мы, побегут туда, то мы как-нибудь объяснимся с местными аборигенами. Ведь даже министры там есть русские евреи. Так что наполоам с матерком я и перебыю. Главное найти хорошую работу. У жены с этим делом пшик, инженер-экономист, языка нет. Что касается меня, то как преподаватель анатомии, физиологии и спорта, я смогу спокойно работать массажистом и буду иметь большой успех как физиотерапевт. Женщины любят скромных и молчаливых. С того момента, как жена прибежала на рынок, наступили суетливые деньки, наполненные беспокойством.

Надо было рассчитаться с любимым государством – оно бдило и своих изменников терзало основательно. Надо было заплатить за образование, за выход из гражданства, предъявить отремонтированную квартиру – чтоб они провалились. Ведь это что-то около 4000 рублей, а это больше чем годовая зарплата нас обоих. «Мы русские-советские, выкрутимся», – сказал я. Хотя сомнения терзали. «Ферд, да ничего не будет, продадим мебель, купим надувные матрасы, продадим почти выкупленное пианино сына, и вперед!». На это я дал полное согласие жене.

Мы написали объявления, развели клейстер, вышли на улицу и на первых попавшихся фонарных столбах, вокруг которых крутились дворняжки, с интересом их обнюхивая и поднимая задние ноги, мы наклеили объявления о продаже. И были счастливы. В первый раз в жизни мы не зависели от проклятого дефицита, мы не Покупали – Продавали. И наши труды принесли результат. Подействовало. Пошло как по маслу. В один прекрасный день в нашу дверь позвонили, и вместо покупателя в квартиру вошел генерал КГБ. С одной стороны, мы испугались, с другой выиграла гордость. Если уж ближе к Китаю, то лучше в сопровождении генерала, чем в сопровождении жалких вертухаев, глупых и злобных.

⁷ Дом КГБ на Лубянке в Москве.

– Вы давали объявление о продаже мебели? – спросил генерал. Я утвердительно кивнул, предпочитая молчать на всякий случай. Дело в том, что мы с женой много работали, помогала мама жены, помогал рынок, и мы из-за принципа, что жизнь коротка, покупали только импортную хорошую мебель в кредит и потихонечку выплачивали. Ну, в общем договорились. Это был удивительный день. Генерал наклонился ко мне. Его гебешная фуражка чуть не слетела на пол. «Молодцы, что уезжаете. Нормальным людям в ненормальной стране делать нечего. Желаю счастья». Я просто онемел. Конечно, знал, что в 1976 году страна стала сгнивать, побежали толковые, часто предприимчивые люди. Но что до такой степени!!! Я в свою очередь наклонился к его уху и прошептал: «А вы на всякий случай учите иврит, пригодится». На этом заговорщики расстались, я думаю, друзьями.

Постепенно мы распродавали нашу мебель, нам в этом случае повезло, так как вещи были хорошими, модными. Долг государству мы заплатили, хотя нам казалось, что государство должно было заплатить нам за двадцатилетнюю безупречную работу. Ну, и хрен с ним. Получив квитанцию об оплате, мы отдали ее в ОВИР⁸ и получили визу. Каждому из нас на наши же деньги дали на троих по сто долларов на отъезд. Вот теперь мы почувствовали себя иностранцами. Попробуй-ка один из ста пятидесяти миллионов русских покажи «зеленые» из кулака, и ты бы оказался в местах не столь отдаленных.

Конечно, мы сразу же поехали в «Березку» – валютный магазин. Даже представить себе, что мы можем туда войти – было невозможно. Магазин всегда был напичкан согляда-таями из КГБ. Страх и ужас. Как был прав президент Америки Рейган. Он назвал советскую систему «империей зла».

Современный человек даже не может себе представить, что испытывали мы. Ведь близкие друзья, когда мы уезжали, не провожали нас. Я их понимаю. Любой, попавший под подозрение КГБ, потерял бы свою работу. Какие же мы с женой были счастливые. Плевать нам было на этот КГБ, мы были свободными. «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой» – бессмертный Гете. Ну, вот эту свободу я получил при входе в это заведение. Я видел эти морды, стоящие у входа, я видел эти пустые глаза. Но они уже не имели никакой силы перед входящими в этот магазин. Мы стали свободными людьми, у которых дрожала душа и текли слезы от предстоящего прощания с любимой Родиной, близкими друзьями, не имеющими никакого отношения к грязной системе, с нашими дорогими соотечественниками.

Мы решили, глупые, потратить эти доллары на сувениры, которые потом оказались вообще никому не нужны. Полезней было оставить их на еду на Западе. Наивные мечтатели, неисправимые дураки, ничего не понимающие в западной жизни. Потом, прожив долгие годы на Западе, я понял, что Запад имеет множество сложных проблем, несмотря на сытость и благоденствие.

Это благоденствие не очень-то по русской душе. Дух общества потребления чужд для нее. Ведь воевали мы с фашистами, лежа в окопах при минус 20– 25°C. Мы же не имели коньяка во фляжках и шоколада. Мы же не имели «шмайсеров» с сорока зарядами, а имели однозарядную винтовку. Мы мерзли в окопах, наскоро вырытых. Но мы защищали Родину, в высоком смысле этого слова. Несмотря на то, что Сталин уничтожил наших отцов и дедов, мы ее любили, презирая систему. Запад великолепен. При всех его недостатках, его украшает немыслимая корона из бриллиантов, и ее название – Свобода. Вот только из-за нее мы с женой решились, как и многие, на разрыв со страной СССР. «Не хлебом единым жив человек»⁹.

⁸ ОВИР – аббревиатура от Отдел виз и регистрации (иностранцев) – организация, существовавшая в СССР.

⁹ Дудинцев – из книги.

Сегодня в 2011 году сложилась в России (!!!) смешная ситуация. Уезжай, куда хочешь, когда хочешь, возвращайся и живи! Никто не будет тебя преследовать. Свобода! Но после опыта западной жизни, ты туда вряд ли поедешь. Страна, как сказал президент Медведев, находится в тяжелейшем состоянии. Люди страдают от коррупции, криминала, нищеты. Но при всем при этом есть Свобода. Но ее на хлеб, как масло, не намажешь. Волна эмиграции спала. Люди предпочитают не уезжать, а зарабатывать, крутятся и вертятся в своей стране. Этого хочет молодежь и добивается своего. Запад прекрасен – он гарантия Свободы. Но там надо родиться. А русской душе нужна Родина, ее язык. Там есть непомерная экзальтация при трезвости, а по пьянке кричи «Караул!». Русский человек был (не знаю как сейчас) не особенно прагматичен. Он живет, он дышит и любит как-то по другому, чем на западе. Наверное, не лучше и не хуже, чем в других странах, но по-другому. Расчетов и меркантильности у большинства русских в любви нет. А вот безалаберности, безответственности много.

Хочу рассказать о том, был ли секс в СССР. Был, и какой замечательный. Русские очень похожи в этом плане на французов. Заигрывания мужчин и женщин, любовные интриги происходят всегда и везде. Молодость есть молодость. Знакомились в метро, на улицах, в кино-театрах, на вечеринках, бросая на девушек страстные взгляды, если девушка нравилась. Не было проблемы, если девушка пошла после часа знакомства в гости к молодому человеку, ей не грозила опасность. Попробуйте сейчас в 2011 году. Романы, признания в любви, поцелуи и объятия происходили, кажется, в самых неподходящих местах – на работе. Сексуальные влечения очень свободно и открыто проявлялись у людей.

Оглядываясь назад, чувствую и осязаю стертые временем веяние секса – над своей старой головой. Он – основа основ в жизни. Он не менее важен, чем хлеб и Свобода. Несчастная Америка, где на женщину и не поглядеть пристальным взглядом. Мужчина – ты самый счастливый человек на свете, если в комнате трое, ты, любящая тебя женщина и дающий жизнь всему живому – секс. Ну, а теперь, наконец, о Моне.

Глава IV

Международный шпион Моня

С нашим огромным богатством – целых 300 долларов (!) мы наклонились над витриной магазина, в которой лежали сувениры. Про них мы думали, что если купим, то на этом богатом западе заработаем большие деньги.

Краем глаза я наблюдал за своей Риточкой, склонившейся над соседней витриной. Вдруг я увидел, как какой-то мужчина наклонился к моей жене, и что-то стал шептать ей на ухо. Ревность, ревность. Не успел я среагировать, жена подошла ко мне и передала весь разговор. «Вы похоже собираетесь в Израиль, так я могу вам уже в этом помочь, я тоже хочу ехать туда». Жена добавила, что у мужчины был явно еврейский акцент. Я предложил познакомиться поближе с ним. Моя интуиция мне подсказала, что он нам позарез нужен, чтобы вырвать нас из жуткого одиночества. Звали его Моня.

Дорогой читатель! Весь последний месяц нашего пребывания на Родине, Моня сам того не зная был спасителем. Нам было с кем поговорить. На следующий день Моня пришел к нам с потрепанным чемоданом и заявил, что ему негде жить. Еще он заявил, что сделает нас в будущем миллионерами. Мы развесили уши и стали ждать чудес. Чудеса пришли незамедлительно.

Во-первых, мы поняли, как надо изготавливать зеркальную фаску, до которой венецианцы не додумались. Во-вторых, что скоро он нас посвятит в секреты изготовления палехских красок. Причем мы поняли, что без этих красок Запад просто задыхается и скоро прекратит свое существование. Еще он сказал – что скоро поделится с нами огромными деньгами, которые он выиграет от опубликования бесчисленных процессов, которые вели из-за него в судах сотни живых и умерших адвокатов. Как он сказал, эти проигранные процессы произведут фурор и будут не менее важными, чем Нюрнбергский процесс над нацистскими преступниками, к которому он причислял ужасно несправедливых советских судей. Он всех их считал антисемитами.

Мы слушали его, открывши рот, хотя и понимали, что это балабол. Но этот балабол освобождал нас от жуткого чувства, что мы иностранцы в своей стране, а недоумки, руководящие страной, нас могут достать. Вся комичность положения была в том, что мы внутри смеялись над каждым его словом, а он свято верил в то, что говорил. За то время, пока Моня у нас гостил, мне показалось, что поголовье кур в близь лежащих селах сократилось вдвое. Но несмотря на это, аппетит Монин угрожающе возрастал. Каждый вечер перед сном он открывал свой потрепанный чемодан и, угрожающе рыча, трудился над очередной куриной костью и документами.

Одиноким, заброшенный, пожилой человек с абсолютно перевернутыми понятиями о Западе, ехал в никуда, зачем? За порядком не следил. Бедная моя жена перемывала все после него. Но мы не жаловались на судьбу. Мы были не одни, с нами был единомышленник. И вот случилось то, чего мы совсем не ожидали. Моня исчез, растворился.

Мы страшно перепугались, так как наш адрес и телефон были в его записной книжке. Мы подумали, что его загребли, а затем наступит и наша очередь. В нашем государстве ведь все было возможно.

Забыл сказать, что сразу же по получении виз в ОВИРе, у нас были отобраны паспорта, у меня военный билет. Мы были никем и ничем. С нами могли сделать все, что хотели. Оставалось два дня до отъезда. Мони не было. Билеты на самолет были у нас на руках. В квартире сиротливо, медленно спуская воздух, на полу лежали четыре надувных матраса.

Мы их поддували каждый вечер. В прихожей стояли чемодан, сумка, на четверть заполненный маленький аквариум с четырьмя золотыми рыбками. Я не мог с ними расстаться. Это были японские рыбки с шапочками на голове. В аквариуме была куча редких водяных растений, в которых они и прятались. Рядом стоял бесхозный облезлый Мониин чемодан.

«Фердинанд, так дело не пойдет. Я должна посмотреть, что там внутри. Может быть Моня шпион и там лежат опасные документы». Я сказал жене, что чужой чемодан принципиально не открою. На что она разразилась громким плачем и сказала, что я жестокий человек, и не люблю ее и сына, что подставляю всю семью под удар. Мне так стало ее жалко, что я согласился, чтобы она открыла этот проклятый чемодан. Действительно, там оказались только судебные акты, которыми Моня хотел потрясти Запад. Пистолетов и бомб – там не было. Подслушивающей аппаратуры и пеленгаторов тоже. Жена перестала плакать и поцеловала меня в щеку. Еще она мне сказала, что чемодан битком набит презервативами и резинками, которые вдевают в трусы. Зачем это было нужно, пока оставалось мониной тайной.

Оставалось два-три дня до отлета самолета на Вену. О маршруте нам рассказал Моня. Вдруг раздался звонок в дверь, и вошел Моня. Это был Моня, и не Моня. Сгорбленный, небритый, грязный пожилой человек стоял в дверях и умоляюще смотрел на нас. Мы обрадовались отчаянно. Пропажа Мони на целую неделю, к КГБ не имело никакого отношения. Оказалось, что Моня в порыве предпринимательства, поехал в село Палех¹⁰ и предложил тамошней администрации секрет изготовления лакокрасочных составов, в обмен на секрет изготовления красок палехскими мастерами.

Он показался администрации странным человеком, и была вызвана милиция. Милиционер попросил предъявить документы. Моня широким жестом вынул из кармана штанов визу на Израиль. Мент, который с роду не видел такого документа, да еще с гербовой печатью, просто обомлел и не знал что делать. Была вызвана подмога. С Мони сняли пояс, шнурки, очки, чтоб не порезался и не повесился и посадили в обезьянник с местной шпаной, где послушный и полуголодный опасный международный шпион и просидел благополучно до выяснения обстоятельств несколько дней. Били его или не били, осталось тайной. Но подозрительное под глазом желто-фиолетовое пятно настойчиво намекало на это.

Вот так, наш Моня снова оказался у нас. Подошел день отъезда. С утра мы сдали управдому квартиру, которая по теперешним временам стоила бы 200 000 долларов, помахали на прощанье рукой. Так, наугад. И такси повезло нас в Шереметьево. Зал аэропорта произвел на нас сильное впечатление. Отъезжающие и провожающие толпились вместе. Люди, стоявшие в кучках по трое-четверо, были очень похожи друг на друга. Казалось все евреи уезжают из России. Я подумал про себя, что если так будет продолжаться, то такой нации в России не останется. А похожи друг на друга были потому, что друзья боялись провожать уезжающих. Из провожающих были только близкие родственники. Мы провели в Шереметьево целую ночь, сидя на чемодане и сумке. Рыбки были невозмутимы, и тихо плавали в водорослях. Утром была объявлена посадка на самолет, летящий в Вену и все засуетились.

¹⁰ Палех – деревня, где изготавливают знаменитые шкатулки.

Глава V

Прощай, Родина! Прощай навсегда

Уезжавшие увидели удивительную картину. По обеим сторонам лестницы, ведущей наверх в таможенную, стояли солдаты с «калашами» на груди. Наверное, для того, чтобы поугасить изменников родины. Похоже, им это удавалось. На втором этаже красовался огромный портрет Брежнева с несчитанным количеством звезд, кто его знает – Труда или Героя Советского Союза.

И вот таможенница приступила к осмотру. Как я уже писал, со мной был специальный аквариум, который для меня сделали перед отъездом. Он был из плексигласа и герметичным. От маленького моторчика на батарейках в него подавался воздух. Находился он в чемодане с утепленными стенками. В аквариуме плавали четыре японских рыбки с красными шапочками на головах. Это были две самочки и два самца довольно крупных размеров, сантиметров по двадцать.



Документ, подаривший нам Свободу. Виза для воссоединения с несуществующей в Израиле семьей.

Последние пару лет перед отъездом они были очень плодотворны и давали чудесное потомство. На рынке они плавали, отделенные от детей, чтобы было видно, во что через два года превратятся мальки. Эти четыре чудесные рыбки материально поддерживали нас. Я не мог с ними расстаться в надежде, что то же самое произойдет на Западе.

Наивный, наивный человек!

Почему-то осмотр начался именно с этого чемодана.

– Откройте! Что у вас там? – сказала таможенница.

Я открыл, и она увидела там моих чудесных рыбок. На ее лице появилось искреннее удивление. Я подумал, что в ее голове закрутились мысли, что перед ней стоит или пол-

ный идиот, или обыкновенный хитрец. Из десятка тысяч «изменников Родины» вряд ли кто был способен на такую глупость – везти с собой рыбок. Видимо, о состоянии зоомагазинов на Западе она знала лучше меня. Взяв ножницы, она приготовилась разрезать их животы, наверно, надеясь найти там заветные камушки. В этот момент я, не сдержав себя, закричал:

– Не делайте этого, ведь вы можете пропустить аквариум через рентген!

После минуты молчания она отложила ножницы, и аквариум проехал через рентген, который, к ее удивлению, показал, что у рыбок в животе ничего не было, кроме переваренных водорослей.



Кончилась война. Феникс, возрожденный из пепла. Мама моей жены – Елена Алексеевна Орлова. За спиной путь от Москвы до Вены. Женищина, защитившая Родину! Прочь – военную одежду!

Как я потом узнал, из-за этой процедуры вылет самолета задержали на 20 минут. Затем таможенница велела поставить наши два чемодана и сумку на стол. И здесь со мной произошло такое, о чем я буду помнить всю оставшуюся жизнь. Она деловито стала доставать все, что там лежало и наткнулась на ордена и медали и военные фото матери моей жены. Бесцеремонно отложила их в сторону, заявив, что эти секретные вещи за границу вывозить нельзя. Затем она добралась до тещиной урны с ее прахом и, грозно поглядев на меня, сказала: «А что это у вас такое? Да еще зацементированное?»

Я объяснил, в чем дело. «Знаем вас, изменников, жидов, всю родину обокрали, а теперь хотите сладко пожить за чужой счет. Бриллианты, наверное, везешь». Я побледнел от такого хамского заявления. Затем она расстелила на столе грязную газету, ударила молотком по урне и высыпала прах Святой женщины – защитницы Родины – на ее мятую поверхность. Потом деревянной лопаткой стала перемешивать пепел. Чем дольше она возилась, тем больше

ее несимпатичное лицо искажалось недовольством. «Забирайте», – сказала она, ничего не найдя. «А куда забирать?» «А куда хотите». Я собрал пепел в газету и завернул в виде кулька. Комментировать я ничего не стал. Я был в ужасе. И от бессилия так сжал кулаки, что пальцы хрустнули и побелели. Затем шагнул за дверь и увидел самолет, который должен был увезти нас на Свободу.

К самолету я не мог пойти, так как не было моей жены. По задуманному сценарию ее долго держали на пропускном пункте вместе с сыном, то смотря на нее, то на визу, то на нее, то на визу. Помотав нервы бедной испуганной женщине, ее отпустили. Но задержали на таможне, отобрав крошечное колечко с бриллиантом, которое мы купили при продаже вещей и мебели¹¹. Моя мама каким-то чудом забрала его у таможенницы и только через несколько лет смогла передать нам.

Все закончилось, и трое свободных людей зашагали к самолету. В самолет – первый самолет в нашей жизни!!! Мы сели чуть дыша. Обстановка внутри самолета была совсем другой, чем на таможне. Приветливые стюардессы, приветливый экипаж. Длинный салон примерно на 120 человек. Уютные спинки кресел располагали к отдыху. Я сел и мысленно оказался в зале ожидания. Я был заядлый рыбак и часто, сидя на берегу озера, представлял себе бесчисленные трагедии, которые происходили под зеркалом воды. То тут, то там раздавался плеск, и тихая вода шла волнами. Это крупная щука схватила поперек окуня или карася. Затем все затихало, и устанавливалась зеркальная гладь и тишина.

То же самое происходило с кучками людей в зале. Никто не замечал те сотни трагедий, которых вроде бы и не было там. Мать провожала сына или дочь – навсегда. Или дети провожали мать, которая не могла на старости лет получить нужную медицинскую помощь. Всякое случалось. И я подумал, что это за система, которая великую русскую нацию превратила в рабов. Какая страшная сила заключена в этом коммунизме. Но и он начал сдаваться. Раз не расстреливал как раньше и не так уже мучил людей. Вскоре эти мрачные мысли прошли. Пилот объявил маршрут, время полета. «Застегните ремни, сейчас будет взлет», – раздался приятный голос стюардессы.

Все пристегнули ремни. Но я и не заметил взлета, хотя турбины заревели и самолет качнулся. Его вели мастера своего дела – это были асы. В самолете, кроме эмигрантов, было много людей разных национальностей. Американцы, немцы, французы, шведы. Чудеса – я, Рита, сын Жорик и Моня могли свободно к ним подойти и пообщаться жестами. И никто за нами не следил. Рабская зависимость от КГБ исчезла, и ее заняло чувство Свободы.

Исчез страх перед КГБ. Я вспомнил об одном случае, который случился со мной в 1976 году. Однажды в центре Москвы я встретил женщину, которая заблудилась и не могла найти свой отель. Она мне протянула карточку отеля и спросила, как туда пройти. Она оказалась американкой русского происхождения, почти забывшая русский язык. Я взял ее под руку и проводил до отеля. Она попросила проводить ее до номера, что я и сделал. Поблагодарив меня, она подарила мне авторучку. Когда я вышел из отеля, то тут же был схвачен и доставлен в отделение милиции. Три часа гебист допрашивал меня, почему и отчего я познакомился с американкой и оказался в отеле. Перед тем, как отпустить, мне сказали, что следующее знакомство с иностранцами будет в Сибири и что за мной теперь будут следить. Вот так-то!

– Рита, доставай все, что есть, – еле расслышал я собственный голос.

На откладных столиках моментально появился шикарный закусон: колбаска, две бутылки коньяка, бутылка водки, бутылка шампанского, помидоры, хлеб, буженина – все, что мы по совету Мони взяли с собой для продажи в Австрии и для еды. Мы ведь даже не знали, что в самолете кормят. У иностранцев на лице появилась мина удивления при виде моментально появившегося пиршества. Так как мы владели «всеми языками», на которых

¹¹ Колечко было куплено после продажи всех вещей, оставшихся после смерти мамы моей жены – на память о ней.

говорили иностранцы, то молча жестом намекнули, кто хочет – может присоединиться к нам. Я по наивности думал, что иностранца за русское питье пригласить непросто, больно чопорными они казались. Но я крепко ошибся. Оказалось, что иностранец выпить не дурак, и первый хлопок из первой бутылки шампанского подействовал на них, как красная тряпка на быка в корриде.

Они знали, что в самолете много убегающих из страны евреев, и были искренне рады, что люди вырвались на свободу. «На здоровье! На здоровье!», – кричали они, всячески высказывая свою радость. Не прошло и часа, как мы коньячок и шампанское полирнули водкой, вермутом и прочим. Более солидные евреи к нам не присоединились. Ох, лучше бы они не разворачивали своих кур с чесноком в салоне. Гульба пошла. Я в шутку подумал, что если бы технари забыли налить в крылья полный объем керосина, то на винно-водочном-коньячном перегаре наш чудесный самолет все равно лихо бы долетел до Вены. И, наверное, обратно до Москвы.

«Вы пересекли границу СССР», – прозвучал голос пилота. В душе у многих возникла грусть, потом сменившаяся облегчением. Я сорок два года прожил в СССР. Что я имел? Да ничего. Что мог иметь инженер и учитель при мизерных зарплатах и ворах, искусственно создавших дефицит. Что мог иметь честный человек? «Блоху в кармане, да вошь на аркане». И это была горькая правда. Когда объявили о пересечении границы, глаза у моей семьи были сухими, никто не собирался плакать. Время пролетело незаметно. На аэродром в Вене пилоты посадили самолет так же плавно, как и подняли. Будьте здоровы, дорогие пилоты, и чистого вам неба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.